

Π РОСТРАНСТВО
ЕРЕВОДА

ДЖОН КИТС
МАЛЫЕ ПОЭМЫ

Перевод
СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВСКОГО

Джон Китс
Малые поэмы
Серия «Пространство перевода»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964686
Малые поэмы: Водолей; Москва; 2012
ISBN 978-5-91763-104-2

Аннотация

Изначально задуманные как огромные поэтические работы, «Гиперион», «Падение Гипериона» и «Колпак с бубенцами» оказались последними, незавершенными эпическими произведениями Джона Китса (1795–1821) и остаются среди его малых поэм, к числу которых относится и «Ламия», опубликованная в 1820 году.

Поэма «Колпак с бубенцами» на русский язык переведена впервые.

Содержание

Ламия	4
Колпак с бубенцами, или же Зависть	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джон Китс

Малые поэмы (сборник)

Ламия

Часть I

Давно: еще не выгнали с лужайки
Сатира с Нимфой эльфов резвых стайки,
Еще алмазный скипетр, и корона,
И мантия Владыки Оберона
Страх не посеяли в Дриаде с Фавном,
Резвившихся в веселье своенравном, —
Влюбленный Эрмий свой покинул трон,
Очередную страстью распален.
С высот Олимпа он легко исчез,
А чтобы не прогневался Зевес
Великий – было тучкой бегство скрыто.
Стремился Эрмий к побережью Крита.
Зане в священных рощах той земли
Скрывалась нимфа: к ней смиренно шли
Сатиры козлоногие; Тритон,
Покинув хляби, нимфе клал поклон
И перлы сыпал; критские луга

Усеивали часто жемчуга
Такие, что не грезились и Музе,
Хотя богиня с Выдумкой в союзе.
Всяк любит нимфу эту, млад и стар! —
Так мыслит Эрмий, и ревнивый жар
Жжет олимпийца: от крылатых пят
До головы томленьем он объят;
В золотой оправе вьющихся волос
Лилейный лик его пылает ярче роз.

Летя из леса в лес, из дола в дол,
Он утоленья страсти не обрел;
Напрасным вожделением измучен,
Искал беглянку он вблизи речных излучин —
Вотще: награды не было погоне...
Задумчив, бог сидел на диком склоне
И ревновал, давая волю гневу,
И к фавну, и к несмысленному дереву.
И вдруг он внял отчаяннейший глас —
Из тех, что в сердце добром гасят враз
Всё, кроме состраданья; глас изрек:
«Ужель в обличье сем скончаю век?
Ужель не обрету иного тела,
Способного любить, и до предела
Изведать страсть? Увы, увы, увы!»
И бог на голос ринулся, травы
Стопами окрыленными почти
Не потревожив на своем пути...
В недалней чаще дивная змея

Свилась кольцом, чешуйный блеск лия —

Сверканье багреца, лазури, злата:
Змея была, как зебра, полосата,
Как леопард пятниста; сам павлин
Померк бы рядом с нею в миг один.
И, с лунами серебряными схожи,
Играли блики на чудесной коже.
А пени длились — громки, скорбны, многи.
И чудилось: за грех карают боги
Иль демону отдавшуюся фею,
Иль демона, упившегося ею.
Как звездная тиара Ариадны,
Главу змеи огонь опоясал хладный —
И Эрмий в изумлении внимал
Стенанья женских уст, похожих на коралл!
И подняла змея два чудных ока,
Два слезных изливавшие потока —
Насмешница-судьба к ней впрямь была жестока.
Из алых губ исторгнутая гадом,
Речь заструилась медом, а не ядом;
Но гость витал поодаль, и крыла
Не складывал; змея ж произнесла:

«Прекрасный бог, охотящийся втуне,
О Эрмий, — ты мне снился накануне;
Ты восседал на троне золотом
Среди владык Олимпа; в сонме том
Лишь ты грустил; душевный тяжкий груз

Тебя глухим соделал к пенью Муз;
И даже Феба трепетные ноты
Звенели для других: не слышал ничего ты.
Мне снилось: в блестки алые одет,
Сквозь облака свергаясь, как рассвет,
На остров Крит влеком любовью днесь,
Ты неси, что стрела; и вот ты здесь.
Признайся, Эрмий – деву ты настиг?»
И хитрый олимпиец в тот же миг
Ответствовал учтивыми речами:
«О вещей змий с печальными очами!
Кому внимаешь – небу или аду?
Но я любую дам тебе награду —
Лишь намекни: где след любимых ног?..
Где нимфа?» — «Ты сказал, о светлый бог, —
Речет змея, — но клятву дай сперва».
«Тому, что сбудутся сии слова,
Свидетель станет жезл, обвитый змеем:
Клянусь тебе своим волшебным кадуцеем!»
И вновь змеиный зазвучал глагол:
«Воспрянь! Ведь нимфу ты почти нашел...
Вольна как воздух, сделалась незрима
Прелестница; незримо ходит мимо
Лесных божков; незримо спелый плод
Срывает; и незримо к лону вод
Спускается под утреннею дымкой;
Уведай: нимфа стала невидимкой
Когда решила деву я беречь
От столь постылых и столь частых встреч:

Божки лесные, полные печали,
Ей страстью безответной докучали.
И чахла нимфа бедная, не в силах
Взирать на стадо спутников унылых.
Я сжалилась, велела ей настой
Испить – настой чудесный, не простой:
Незрима козлоногому народу,
Она покой вкусила, и свободу.
И лишь перед тобой возникнет снова —
Коль не нарушишь клятвенного слова!»
И бог воспрял, и бог повторный дал
Обет – который для змеи звучал
Как трепетный, торжественный хорал.
Внимая, искрясь, вспыхивая, млея,
Чешуйчатая молвила Цирцея:
«Я женщиной была; дозвожь опять
В обличье женском прелестью блистать!
Я Ликия давно в мечтах целую...
Отправь меня в Коринф, и плоть верни былую!
Склонись: я на твою дохну главу —
И ты увидишь нимфу наяву».
К устам змеиным светлое чело
Пригнул Гермес – и чары унесло,
И оба нимфу зрят, смущенную зело.
Иль то мечта была? Иль не мечта?
Бессмертные мечтают неспроста:
Мечтанья их вещественны и сладки.
Палим любовью паче лихорадки,
Бог на мгновенье взмыл, вострепетав —

Но тотчас на ковер несмятых трав
Метнулся, и касанием жезла
С томившейся змеи сложил оковы зла.
Свершив обет, он к нимфе устремил
Нежнейший взор; и, сдерживая пыл,
Шагнул; и, как ущербная луна,
Пред олимпийцем съежилась она,
И всхлипнула; и, робостью объята,
Поникла, как цветок в часы заката.
Но бог согрел ей хладные ланиты —
И страхи были нимфой позабыты:
Так утром раскрывается цветок,
Что для пчелы сберег сладчайший сок.
Они помчали в глушь лесов зеленых,
Чужды мирским сомнениям влюбленных.

Оставшись в одиночестве, змея
Меняла облик: с алых уст ея
Стекала пена, и кропила травы
Росой, что стебли жгла сильней отравы.
Преображенья жуткого гроза
Палящий жар влила змее в глаза,
И не омыла их прохладная слеза.
И тело многоцветное горело,
И в адской муке извивалось тело:
Чешуйчатую радужную бронь
Окутал вулканический огонь —
И, как под яркой лавой гибнут нивы,
Исчезли краски, блески, переливы;

Погасли разом полосы и пятна,
И закатились луны безвозвратно.
Она лишилась в несколько мгновений
Всех драгоценностей, всех украшений,
Всех одеяний; не осталось боле
Ей ничего, помимо лютой боли.
Венец еще был ярок; но когда
Померк – змея исчезла без следа.
И голос нежный в пустоте возник:
«Мой Ликий, милый Ликий!» Этот вскрик
Растаял эхом на отрогах гор
Седых; и Крит не зрел змею с тех пор.

Вновь ставшая прекраснейшей женой —
Где Ламия, в какой стране земной?
Она в долине, коей не минуть,
Когда в Коринф от моря править путь;
Что замкнута холмами той гряды,
Где кроются источники воды,
И цепью голых каменистых круч,
Простершейся под сенью тяжких туч
На юго-запад... Луг был, тих и кроток,
От леса в расстоянии, что слеток
Покроет; а средь луга – озерцо;
И Ламия свое узреть лицо
В нем поспешила после стольких бед,
И все цветы клонились ей вослед.

Счастливец Ликий! В мире, столь просторном,

Дев не сыскалось бы с подобным станом
И ликом; для таких порой весенней
Аэды не слагали песнопений;
Невинна, беспорочна – и сполна
В любовных тонкостях искушена:
Ей от роду лишь час, но разум острый
Уже постиг, что боль с блаженством – сестры,
Кои в пределах плотской оболочки
Находят соприкосновенья точки,
Что мнимый этот хаос – в нашей власти
Разъять на гармонические части.
У самого ль Эрота ученицей
Была? И бог, пленившийся юницей,
Усердие и пыл вознаградил сторицей?

Зачем прелестная скиталась ныне
Вблизи дороги в сумрачной долине?
Отвечу; но сперва поведать надо,
Как в ненавистном ей обличье гада
Мечтала; как стремилась грезой к чуду,
Как дух ее летал свободно всюду —
И к Елисейским уносился теням,
И к Нереидам, что нисходят с пеньем
В чертог Тефиды по коралловым ступеням;
И к Вакху, что, лозою упоен,
Вкушает сон под шепот пышных крон;
И к тем пределам, где царит Плутон,
И Мультцибер воздвиг ряд сумрачных колонн.
И шумные людские города

Дух Ламии манили иногда.
В Коринфе как-то праздник был великий,
И мчал на колеснице юный Ликий,
И первым из возниц достиг меты —
Но лика олимпийского черты
Не дрогнули... О как в него тотчас
Влюбилась Ламия!.. Уж вечер гас.
Она ждала, что юноша вот-вот
В Коринф от моря по тропе пойдет.
Дул ветер восточный; это означало:
Уже галеру зыблет у причала
В порту недалнем – с острова Эгины
Вернулся Ликий, путь свершив недлинный,
Чтоб жертву принести в Зевесов храм,
Где мясо бычье жгут и курят фимиам.
И Зевс воздал за жертву свыше меры:
От спутников, едва сойдя с галеры,
Отбился Ликий – и наедине
Пошел, внимать не в силах болтовне.
Пора настала пасть вечерним росам;
Он размышлял, шагая по откосам,
Про сумрак тех миров, где для рассудка
Нет места, где воображенью жутко.
Все ближе Ликий к Ламии, все ближе;
Ее не видит сей безумец, иже
Витает взором в неземных просторах;
Уже сандалий приглушенный шорох
Отчетлив; но в раздумья, словно в плащ,
Закутан Ликий: смотрит лишь на хрящ

Тропы, и прочь уходит; из груди
У Ламии исторглось: «Погоди!
Одна стою – средь гор, лесов, полей!
О Ликий, оглянись и пожалей!»
И столько было страсти в этом крике,
Что, как Орфей когда-то к Эвридике,
Он обернулся – и застыл, узрев
Желаннейшую из блистательнейших дев.
И жадно взглядом красоту впивал,
Как пьют до дна дурманящий фиал —
Но тот не иссякал; боясь, что диво
Исчезнет, Ликий начал торопливо
Обильную хвалу великолепью,
Сражен, заморожен, окован прочной цепью:
«Одна? Средь гор?.. К одной тебе, к богине,
Упорным взором обращаюсь отныне!
О, сжался надо мной, не обмани:
Исчезнешь – и свои скончаю дни.
Постой, наяда! Ведь издалека
Сумеет внять речам твоим река;
Постой, о нимфа дебрей, погоди —
Прольются в лес и без тебя дожди;
Плеяда павшая! Тебе взамен
Иной Плеяды свет запечатлен
В небесной сфере будет; неужели
Восторженный мой слух затронув еле
Волшебным зовом, сгинешь, неземная?
Ведь сгину сам, тебя припоминая!
О сжался!..» Молвит Ламия: «Но коль

Покину высь, и предпочту юдоль,
Где что ни шаг – колючие цветы,
Что сможешь молвить, или сделать ты,
Дабы забыла я свой горний дом?
О, не проси бродить с тобой вдвоем
В безрадостной глуши: сия страна
Бессмертной благодати лишена!
Ученым будучи, ты знаешь сам,
Что нежный дух, привыкший к небесам,
Здесь не жилец; увы – каким эфиром
Чистейшим ты сумел бы в мире сиром
Питать меня? Волшебный где чертог,
В котором улаживать меня бы смог
На тысячу ладов, как всемогущий бог?
Увы – прощай!» Привстал на носки,
Воздела руки... Бледный от тоски,
Не в силах нежный позабыть призыв,
Злосчастный Ликий был ни мертв, ни жив.
Казалось, горе юноши нимало
Жестокосердную не занимало;
Но ярый огонь во взоре вспыхнул ярком...
И вот лобзаньем, царственным подарком,
Она вселила в Ликия опять
Жизнь, что уже готовилась отнять.
Стал мака ярче, кто белее мела
Был миг назад; а Ламия запела
О красоте, любви, о счастье без предела,
О сказке, что живет во всякой были...
А звезды, внемля ей, мерцанье затаили.

Потом полился лепет пылкой речи:
Так, много дней прожаждав первой встречи
Наедине, безмолвное – изустным
Признанием сменяют; бывший грустным —
Стал радостным; и был поверить в силах,
Что женщина пред ним; что в женских жилах
Клокочет кровь, а не струятся токи
Небесные; что столь же к ней жестоки,
Сколь и к нему, вседневные невзгоды...
Она дивилась, как в Коринфе годы
Жил Ликий – и не встретил незнакомки
Прелестной, чьи – неброски и негромки —
Влачились дни, исполнены богатства,
Но не любви; отнюдь не без приятства
Тянулись дни бесцветные – пока
Ей Ликий не предстал издалека
Близ колоннады в храме Афродиты,
Где жертвенники были сплошь покрыты
Плодами приворотными и зельем —
Адонии справляли; но с весельем
Ей знаться было – что в чужом пиру с похмельем...
И Ликий вспрял от смерти к бытию,
Зря деву, и внимая речь сию.
И просиял, уразумевши, как
Лукавства женского был явлен знак;
И всяким изреченным женским словом
Манило юношу к отрадам новым.
Пускай поэт безумный славить рад
Красу богинь лесных, дриад, наяд —

Живущим в чаще, в озере, в пещере,
Им женственная прелесть в полной мере
Не свойственна; ее вложило время
Лишь в камень Пирры, иль в Адама семя.
И Ламия решила очень верно,
Что возжелений плотских пыл и скверна
Богиням чужды – легче строить ков
Без ухищрений, без обиняков;
Что женского надежней нет пути —
Сразить красой – и ею же спасти.
И Ликий, дочь увидев человечью,
Ответил, вздохи чередуя с речью,
И ласково прелестную спросил:
Достичь Коринфа – станет хрупких сил?
Но Ламия заклатьем тайным вмиг
Свела дорогу дальнюю с трех лиг
До трех шагов; а Ликий сей обман
Прозреть не смог, любовью обуян.
И как ворота града миновали,
Не знал он – да и знать желал едва ли.

Как бред безумца, плыл со всех концов
Коринфа – от заносчивых дворцов,
От улиц людных, и от капищ пышных —
Гулянья гул: подобье звуков, слышных
В начале бури; и вздымался в ночь:
Богач и нищий – всякий люд не прочь
Наедине пройтись, не то сам-друг
По белой мостовой, вкусить досуг;

Огни пиров повсюду зажжены...
Две тени то скользили вдоль стены,
То прыгали по выступам ограды,
То прятались на миг в потемках колоннады.

Страшась друзей, плащом закутав лик,
Спешил влюбленный; но вблизи возник,
Ступая чинно, лыс и ясноглаз,
Седобородый старец; Ликий враз
Осекся, пальцы девы сжал, и скрыть
Не в силах ужаса, удвоил прыть.
А Ламия дрожала... «Без причины
Зачем трепещешь, точно лист осины?
Зачем ладонь твоя покрылась потом?»
"Усталость, – молвит Ламия: – Но кто там
Явился нам? Припомнить не могу
Черты его... Ужель в глаза врагу
Ты глянул?» Отвечает Ликий: «Нет, —
Се Аполлоний мудрый, чей совет
Прилежно внемлю; но казалось, он
Вот-вот развеет мой волшебный сон».

Тут Ликию смятенному предстал
Колоннами обрамленный портал.
Серебряный фонарь – сродни звезде —
Мерцал, и отражался, как в воде,
В ступенях, крытых мрамором; покров
Настоль был чист, зеркален, светел, нов,
Что чудилось: нехоженую гладь

Лишь небожитель смел бы попирать
Стопой; дверные петли, как свирели,
Впуская деву с юношей, запели.
И дом почли влюбленные своим...
Он долго был известен лишь двоим,
Да слугам-персам, коих в тот же год
На рынках зрели; всё гадал народ:
Где обитают? Часто крались следом —
Но оставался дивный дом неведом.
Во имя правды скажет легкий стих
О роке, что впоследствии постиг
Любовников; но лучше бы теперь
За этими двумя замкнуть навеки дверь!

Часть II

Любовь в лачуге, меж убогих стен —
Прости, Любовь! – есть пепел, прах и тлен;
А во дворце любовь – постылый плен,
И бремя, коим любящий согбен.
Но любящие, избранных опричь,
Не в силах эту истину постичь.
Когда бы Ликий чуть подоле прожил —
Рассказ о нем наверняка бы множил
Понятливых; но время нужно, чтобы
Зов нежности сменить шипеньем лютой злобы.
Завидуя такой любви разгару,

Эрот ревниво зрел на эту пару;
Витал в ночи, стеною всё печальней,
Пред затворенною опочивальней,
И страсти сей внимал, столь бурной и недалней.

Но грянула беда. Они бок-о-бок
Лежат однажды вечером; не робок
Давно уж Ликий; плещет занавеска
Прозрачная – и вдруг взмывает резко
С порывом ветра, и глядят обое
На ласковое небо голубое
Меж мраморных колонн... Тепло и мило
Покоиться вдвоем на ложе было,
И не смыкать усталых век вполне —
Дабы друг друга зреть и в сладком полусне.
И вдруг с далеких долетел холмов
Сквозь щебетанье птичье звонкий зов
Рожка – и Ликий вздрогнул: ибо разом
Сей звук смутил ему дремавший разум.
Впервые с той поры, как он впервые
Изведаль девы ласки огневые
В чертоге тайном, дух его шагнул
В почти забытый мир, во свет и в гул.
И Ламия со страхом поняла,
Что кроме заповедного угла
Потребно много; много нужно кроме
Страстей кипящих; что и в дивном доме
Окрестный мир застичь сумел врасплох;
Что мысли первый взлет – любви последний вздох.

«О чем вздыхаешь?» – Ликий тихо рек.
«О чем мечтаешь? – с быстрым всплеском век
Рекла она: – Заботы отпечатком
Отягчено чело... Ужель остатком
Былой твоей любви питаться впредь?
О, лучше бы немедля умереть!»
Но юноша, любовной полон жажды,
В зрачках девичьих отражался дважды,
И рек: «Звездою светишь для меня
На склоне дня, и на восходе дня!
О милая! Ты – плоть моя, и кровь;
К невянущей любви себя готовь:
Меж нами боги протянули нить.
Беречь тебя, стеречь тебя, хранить
Хочу! Душа с душой сплетется пусть.
Одно лобзанье – и растает грусть.
Мечтаю? Да! И вот о чем: такое
Сокровище обрел, что о покое
Мгновенно и навек забудут все,
Узрев тебя во всей неслыханной красе.
Коринф смятенный будет улья паче
Гудеть, завидуя моей удаче.
Сколь изумленно вытянутся лица,
Коль брачная покатит колесница
Сквозь уличные толпы!» Госпожа
Лишь охнула. Вскочила – и дрожа,
Упала на колени: «Ликий!..» Ливнем
Слёз разразилась, кои не смогли в нем
Поколебать решимости; отнюдь

Мольбе не внемля, раздувая грудь
Гордыней, злостью исполняясь жаркой,
Он сладить жаждал с робкою дикаркой:
Зане, любви нежнейшей вопреки,
Вразрез природе собственной, в тиски
Влечению попался, что готово
Блаженство из мучения чужого
Себе творить – а встарь не омрачало
Чела его столь темное начало.

Во гневе Ликий стал прекрасен сверх
Прежнего – как Феб, когда поверг
Пифона, змея злого... Змея? – Ба!
Где змеи здесь? Любовная алчба
Взыграла жарче, вопреки обидам.
И Ламия «о да» рекла с довольным видом.
И юноша полночную порою
Шепнул: «Но как зовешься? Ведь не скрою:
Робел спросить, поскольку – не вини! —
Не смертным, но богам тебя сродни
Считаю... Только много ль есть имён,
Чей блеска твоего достоин звон?

А друг, иль кровник сыщется ли в мире,
Чтоб ликовать с тобой на брачном пире?»
«Нет, – Ламия сказала, – в этом граде
Я не дружу ни с кем, покоя ради;
Родителей давно похоронили,
И с плит могильных не сметает пыли
Никто – ведь я, последняя в роду,
Живу тобой, и к мертвым не иду.

Зови друзей несчетно в гости; лишь —
О, разреши молить, коли глядишь
С улыбкой вновь! — на празднество любви
Лишь Аполлония ты не зови!»
Причину столь необъяснимой просьбы
Стал юноша испытывать; пришлось бы
Искусно лгать — и госпожа ему
С поспешностью навеяла дрему.

Невесте в оны дни велел обычай
На склоне дня покров надеть девичий
И встречу цветам, огням и брачным гимнам
Катить на колеснице во взаимном
Согласии с любимым... Но бедна,
Бездородна Ламия! Совсем одна
Осталась — Ликий звать ушел гостей, —
И поняла: вовек не сладить ей
С беспечной спесью и безмозглым чванством.
Задумалась — и занялась убранством
Жилища: ожидалось много люда.
Не ведаю, кем были, и откуда,
И как сошли помощники — но крылья
Незримые шумели; и усилья
Несчетные свершались в зале главном.
И трапезный чертог предстал во блеске славном.
И тихий стон таинственного хора —
Единственная, может быть, опора
Волшебным сводам — полнил дома недра.
И, свежеизваянные из кедра,

Платан и пальма с двух сторон листвою
У Ламии сплелись над головой.
Две пальмы – два платана: в два ряда
Тянулась, повторяясь, череда
Сия; и восхитительно сиял,
Оправлен в пламень ламп, великолепный зал.
О, сколь возникших угощений лаком
Был вид и запах! И безмолвным знаком
Дает уведать Ламия: она
Почти довольна и ублажена;
Незримым слугам остается лишь
Умножить роскошь всех углов и ниш.
Где мраморные прежде были плиты,
Явилась яшма; сделались увиты
Стволы резные враз лозой ползучей.
И дева, обойдя чертог на всякий случай,
Не огорчилась ни одним изъяном,
И дверь замкнула; в чистом, светлом, странном
Чертоге мирно, тихо... Но туда
Придет, увы, гостей разнuzданных орда.

День возблистал, и огласился сплетней.
О Ликий! О глупец! Чем незаметней
Дары судьбы заветные – тем краше;
К чему толпе глядеть на счастье наше?
Гурьба стекалась; каждый гость весьма
Дивился, не прикладывал ума —
Отколь сей дом? Всяк ведал с детских лет:
На этой улице просветов нет,

И негде строить. Чьим же был трудом
Высокий, царственный восставлен дом? —
Когда и как? Гадал бесплодно всяк о том.
А некто был задумчив и суров,
И медленно ступил под чудный кров.
Се Аполлоний. Вдруг смеется он —
Как будто к тайне, множество препон
Чинившей для рассудка, найден ключ,
Разгадка брезжит, мглу пронзает луч.

И юного, перешагнув порог,
Узрел питомца. «Твой обычай строг,
О Ликий, – старец рек. – Придя незванным,
Тебя стесняю: вижусь черным враном,
Непрощеным губителем веселья
Младым друзьям; но не могу отсель я
Уйти – а ты прости». Залившись краской,
Учителя со всяческою лаской
Во внутренние двери Ликий ввел:
Заслуженный болезнен был укол.
Был трапезный несметно зал богат:
Повсюду блеск, сиянье, аромат —
Близ каждой полированной панели
В курильнице сандал и мирра тлели;
Треножником священным возносима
Над пышными коврами, струйку дыма
Курильница подымлет; пятьдесят
Курильниц – пятьдесят дымков летят
К высоким сводам; токи сих курений

Двоятся в зеркалах чредою повторений.
Столов двенадцать облых там на львиных
Вздымались лапах; там в сосудах винных
Играла влага; и златые, тяжки,
Теснились кубки, чары, блюда, чашки;
И яствами бы каждый стол возмог
Цереры трижды преисполнить рог.
И статуя средь каждого стола
Во славу божеству поставлена была.

При входе каждый гость вкушал прохладу
Набрякшей губки – добрую отраду:
Раб омывал гостям стопы и пясти,
А после – током благовонной масти
Влажнил власы; и юные пирыне
В порядке, установленном заране,
Рассаживались в трапезной, дивясь,
Откуда роскошь здесь подобная взялась.

И тихо льется музыка, и тих
Звук эллинских речей – певучесть их
И плавность уху явственны сполна,
Когда едва лишь хлынет ток вина;
Но первый ток взбурлил потоком вскоре.
Всё громче ноты: в громком разговоре
Напевы глохнут. Мнится: блеск, уют,
Убранства, брашна – проще предстают;
На Ламию глядят уж наравне
С прелестными рабынями – зане

Вино уже свое свершило дело,
И человечье с каждого слетело
Обличье... О теки, вино, теки,
И мыслить понуждай рассудку вопреки!
И вскоре Вакх в лихой взошел зенит:
Пылают лица, в головах звенит.
Гирлянды вносят, в коих явлен всяк
Побег лесной, и всяк долинный знак;
Златые ими полнятся плетенки,
Что ивяным подобны — столь же тонки, —
До гнутых ручек; их несут гостям,
Чтоб всяк себе чело возмог украсить сам.

Вот Ламия, вот Ликий, вот мудрец —
Какой кому из них дадим венец?
Пристоен деве, не весьма счастливой,
Змеёвник, что с плакучей свился ивой;
А юноше — из Вакховой лозы
Венок, дабы в преддверии грозы
Он забытье вкусил; но с кипарисом
Пуškai сплетутся тернии на лысом
Ученом темени! Любое диво
От философии бежит пугливо!
Вот радугу в лазури зиждет Бог —
Но семь волшебных красок в каталог
Внесли, и волшебство сожгли дотла.
Философ свяжет ангелу крыла,
Определит размер чудес, и вес,
Очистит от видений грот и лес,

Погубит радугу – всё так же, как
Понудил кануть Ламию во мрак.

Сидевший рядом Ликий, горд и рад,
К невесте приковал надолго взгляд;
Но вот, опомнясь, кубок он берет,
И спешно устремляет взор вперед,
Через пространный стол, дабы вознестъ
Фиал вина во здравие и в честь
Наставнику седому. Но философ
Застыл недвижней каменных колоссов
И созерцал невесту, не мигая —
И меркла, что ни миг, ее краса благая.
И Ликий нежно руку деве жмет.
Бледна рука, и холодна как лед —
И мраз протек у юноши по жилам;
Но стала вдруг рука сродни горнилам,
И в сердце Ликию ввергает угли...
«О Ламия! Да это не испуг ли?
Страшишься старца?» Но, не узнавая
Любимый голос, будто неживая
Сидит она; и мнится, чьи-то чары
Наносят ей незримые удары:
Настойчивым призывам вопреки
Бессмысленно глядят ее зрачки.
«О Ламия!» – отчаяньем влеком он,
И громок вопль... И пиршественный гомон
Умолк; и музыки не внемлет слух;
И свежий мирт во всех венках пожух.

Речь прервалась, и лопнула струна;
И гробовая в зале тишина,
И Ликий мыслит в ужасе: на пир
Явился злобный дух, чудовищный вампир.
«О Ламия!» – он взвыл; и скорбный вой
Ударил в гулкий свод над головой.
«Изыди, нечисть!» – Ликий рек в тоске;
Но у невесты больше на виске
Не билась жилка; и цветущих щек
Погасли краски нежные; поблек
Пленявший взор – былые пыл и зной
Остужены теперь смертельной белизной.
«Сомкни, сомкни глаза, убийца старый!
Иль отвернись, палач! Иначе карой
Благих богов – не сих недвижимых статуй,
Но мощных олимпийцев – ты, проклятый,
Постигнут будешь, и в твои зеницы
Вольется огонь – побойся вереницы
Убогих, темных лет!.. А совесть разве
Тебя не мучит, уподобясь язве?
Лукавый нечестивец, ты живешь
Преумножая пагубу и ложь!
Коринфяне, глядите! Вот зачем он
Пришел на пир незванным, этот демон,
Иль одержимый! Гляньте – с вами рядом
Упырь мою невесту губит взглядом!»
«Глупец!» – ответил Аполлоний тоном
Презрения; а Ликий с диким стоном
Повергся, как на плаху палача,

На грудь невесте, гасшей что свеча.
«Глупец, глупец! – философа ответ
Суров и горек: – Ведь от стольких бед
Я столько лет шаги хранил твои —
И зреть тебя поживой для змеи?»
И Ламия очнулась... Аполлоний
Глядит всё пристальней и непреклонней,
Всё жестче и нещадней. В слабом жесте
Еще возможно выразить невесте
Мольбу немую. Но мольбы напрасны:
Глядят глаза – безжалостны, ужасны.
«Змея!» – звучит опять. Раздался дикий,
Нездешний вопль... Она исчезла. Ликий
Один лежал, и взор его потух:
Покинул тело потрясенный дух.
Друзья помочь пытались неумело —
Но тело бездыханное хладело...
И в свадебный хитон запеленали тело.

Колпак с бубенцами, или же Зависть

Неоконченная поэма – сказка

I

В краях Индийских – близ Гидаспа, мнится, —
Стояла – иль парила, что скорей —
Малюток-эльфов славная столица.
Царь Эльфинан, мельчайший меж царей,
Влюблялся в человеческих дочерей,
Любил их руки нежные, и губы,
Что, чудится, зывают: обогрей! —
А вот из фей не выбрал ни одну бы.
Царь утверждал: ему бесплотные не любы.

II

Любить людей – для эльфа срам и грех;
И всяк служитель тамошнего храма
Грозил навзрыд: беда постигнет всех

За преступленья царственного хама,
Что на закон плюет весьма упрямо.
Какая драма! Государь ведом
Лишь вождельем; подвернется дама —
И тот же час – Гоморра и Содом,
Пока жрецы сулят и молнию, и гром!

III

Парламент, возмущенный государем,
Воззвал: отверзни августейший слух,
Уймись! Иначе в грязь лицом ударим!
Ужели мало нежных фей вокруг?
Ухлестывай за духами, о дух!..
И царь ответил – мыслю, с перепугу
(Он фей терпеть не мог ни на понюх):
«Согласен, мой порок сродни недугу!
Средь бестелесных дев сыщите мне супругу».

IV

Гонцы к Пигмаю, в горский Гималлой
Порхнули резво, умолили хана:
О величайший! Свергни спесь долой!

Царю потребна дочь твоя, Кроханна!
Гонцы скончали речи невозбранно
И улетели с лучшей из невест.
Малютки-эльфы – мощная охрана,
И токмо няня, челяди замест,
Летела с девой: Бог не выдаст, шмель не съест.

V

Людскую душу в область эмпирея
Сонм ангельский заботливо несет —
И эльфы так же возносили, рея,
Царевну под сапфирный небосвод,
И веял ей навстречу ветер высот...
В полете эльфы спали, в нем же бдели,
А если скучноват бывал полет —
Невесте встать с пернатой колыбели
Да *promener à l'aile* заказано ужели?

VI

«Голубка, лучше смолкни, ей-же-ей! —
Рекла невесте няня Кораллина. —
Близ нас укрылся в облаке Хиндей,

Лукавая и злая образина!
Ох, кажется, ясна ему картина!
Сотри-ка слезы, прекрати-ка стон —
Старик Хиндей хитрее лисовина!
Он царский верноподданный шпион!
Родная, твой обман уж заподозрил он! —

VII

Хиндей услышит храп усталой мыши,
Коль скоро в половицах есть нора!
Хиндей считает черепицы крыши —
И знает, сколь под крышей серебра
И золота – и думает: пора
Изъять их! О, Хиндей...» Но дева няне
Велела: «Стихи! Ты глупа, стара!
Да мне ли опасаться этой дряни?
Я в ненавистный брак влекома на аркане!

VIII

О, мой любимый смертный, где ты?» – «Цыц!» —
Шепнула няня, да царевна-кроха
Такой метнула огонь из-под ресниц,

Что нянюшка решила: дело плохо!
И стихла, удержать не в силах вздоха,
Поскольку от воспитанницы злой
Ждала в отместку вящего подвоха:
Кроханна ущипнет – хоть волком вой!
А может уколоть аршинною иглой...

IX

Приструнив няню, дивная Кроханна
Со скукой и тоской наедине
Стенала и скулила непрестанно,
Кляня судьбу злосчастную, зане
«Прощай навек» родной рекла стране.
Корысти государственной в угоду
Горянке славной дни влачить на дне
Долин? Достаться подлому народу?
В низину снизойти? К столь низменному сброду?

X

Рыдала фея в носовой платок —
Тож лепесток фламандской розы. Кроме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.